

АНТОН КОНЬШЕВ

ВСЁ ПО-ЧЕСТНОМУ

12+

Антон Коньшев

Всё по-честному

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55731469

SelfPub; 2020

Аннотация

На далёкой планете есть место, где каждый может найти ответ на один из самых главных вопросов в жизни человека. Но путь к этому месту непрост и опасен, а проводником соглашается стать только девочка-подросток.

*«Из чего же, из чего же, из чего же
сделаны наши девчонки?»*

Яков Аркадьевич Халецкий

Мужчина, твёрдой походкой приближавшийся сейчас к окраинному дому, был высок и осанист. Он производил впечатление человека, точно знающего свою цель. Густые седые волосы, аккуратно зачесанные назад, твёрдый взгляд, широкий шаг, чёткость в каждом движении и жесте. На вид ему можно было дать лет шестьдесят, однако годы, и это бросалось в глаза, в непродолжительной пока битве с недюжинным здоровьем и волей потерпели сокрушительное поражение и временно отступили, оставив лишь внешние следы своего присутствия в виде седины и аккуратных симметричных морщин, что только придавало лицу этого человека ещё большую уверенность.

Дом, к которому направлялся мужчина напротив свою битву со временем давно и безоговорочно проиграл. Одноэтажный, дощато-фанерный, латаный-перелатаный, он, казалось, подвергся нападению огромного, многолапого и безмозглого чудовища. Перекошенный, несуразный в своих попытках противостоять неизбежному, покрытый вездесущей пылью, с зияющими провалами в хлипкой крыше, заколоченными кое-как окнами и верандой, очень недружелюбно предваряющей вход. На одной из стен темнело неправильной формы маслянистое на вид пятно с подтёками. Мужчине

против воли представилось, как то многолапое и безмозглое, вдоволь натешившись, уходя, помечает территорию. Картинка получилось яркой, и он брезгливо передёрнул плечами.

Меж тем признаков жизни домне подавал. Мужчина вздохнул, кивнул сопровождающему его носильщику: дескать, можешь пока передохнуть. Носильщик-шерп, смуглый и почти лысый, тоже, как и стоящий перед ними дом, скошенный в одну сторону, с облегчение сбросил с плеч огромный, чуть не с него ростом туристический рюкзак, уселся рядышком, покряхтывая, скрестил ноги и принялся безучастно наблюдать.

– Эй, люди хорошие, – крикнул мужчина в дом, как в колодец, – хозяйева дома есть?

Входная дверь, такая же хлипкая на вид, глухо охнула и приоткрылась, показав в проёме женское лицо, обрамлённое перехваченной под подбородком и завязанной на затылке когда-то, наверное, яркой, а теперь безвозвратно выцветшей косынкой. Женщина бросила на пришельца быстрый взгляд, вышла, остановилась у ступенек на веранду. Длинное ношеное платье – подол собран сбоку в крупный узел – застиранный фартук. Лицо... Лицо безвременья.

– Здравствуйте, – повторил мужчина. – Мне нужен проводник. Говорят, в вашем посёлке можно нанять стоящего.

Ему показалось, что женщина его не поняла. Но та чуть заметно кивнула и, не сводя глаз с гостя, крикнула вглубь дома:

– Яса, выйди.

На этот раз дверь распахнулась резко и звонко, ударилась о стенку и обиженно, со скрипом вернулась на прежнее место.

– Ага, – сказал мужчина, – это я понял. Но мне нужен проводник. Проводника в вашем посёлке можно нанять? Я заплачу.

Рядом с женщиной на веранде стояла девочка. Мужчина был не особо силён в определении возраста девочек-подростков, но на вид дал бы ей лет двенадцать-тринадцать. Футболка с неизвестным логотипом, потёртые, простенькие джинсы. Причём левая штанина была чуть закатана и из-под неё торчала худенькая щиколотка. Зато на правой ровно на уровне колена красовались три аккуратных параллельных разреза, сразу видно, искусственного происхождения. Пшеничного цвета волосы были пострижены по-мальчишески коротко, отчего над левым ухом нахально топорщился одинокий вихор.

Девочка с хрустом жевала плод, похожий на репу, и с интересом разглядывала пришельца.

– Сколько? – спросила она, не переставая жевать.

– Что, сколько? – не сразу понял мужчина.

– Сколько, говорю, заплатите?

– Найдёшь мне проводника – заплачу ему четыреста, – ответил мужчина. Потом улыбнулся и добавил:

– Тебе конфетку дам.

Девчушка хмыкнула, ловко швырнула огрызок в сторону носильщика, неторопливо отряхнула руки и серьёзно произнесла:

– Генератор, – и, видя ясно проступающее на лице собеседника недоумение, уточнила. – Проводник это я. Деньги нам не нужны. Их тут тратить не на что и негде. А вот генератор зэпэ очень даже нужен. Так что, цена – генератор.

– Генератор не дам, – покачал головой несколько ошарашенный такой постановкой вопроса мужчина, – он мне самому пригодится.

– Не пригодится, – очень уверенно заявила девчушка, – вам не пригодится, а вот нам очень даже. В общем так, или генератор, или ищите другого проводника. Только он в трёх днях отсюда. Это если по лабиринту. А так... И недорого, и до самого Места доведу.

Мужчина помолчал, покусал по старой привычке левый ус, взглянул на женщину в надежде, что та образумит свое нравное дитя.

– Не, мамка меня отговаривать не станет, – перехватив его взгляд, отрезала девочка, – я же сказала: нам ГЗП нужен. Цена – ГЗП.

– Ладно, – сдался, наконец, мужчина, – договорились. Только чтобы всё по-честному. Чтобы до самого места довела. Когда выходим?

– Ну, – девчушка закатила глаза к далёкому круглому оконцу местного неба, – мне собраться надо...

И не успел мужчина сострить что-то про скорые женские сборы, как она шустро юркнула в дом и через минуту уже снова стояла рядом с матерью, изо всех сил стараясь выглядеть старше и солиднее.

– А как же... – начал было мужчина, но девчушка его перебила:

– Да собралась я. Чего там собираться-то? Кстати, меня Ясой зовут. А вас как?

– Дмитрий Михайлович, – чуть севшим голосом представился тот.

– Не. Это слишком длинно и неудобно. У нас тут так не зовутся. Давайте, я вас буду звать... Ну, скажем, дядя Дима. Или деда Дима, а?

– Лучше уж дядя Дима, – пробурчал мужчина, изо всех сил стараясь скрыть смущение, – не такой уж я и старый.

– Тогда пошли, что ли, дядя Дима.

Яса легко спрыгнула с крыльца веранды, подозрительно покосилась не шерпа, слишком старательно перетягивающего ремни на рюкзаке. Глаза её сузились почти до щелочек, губы беззвучно шевелились.

А потом она, как ни в чём не бывало, обернулась к Дмитрию.

– Вы мне конфетку обещали. Давайте, – и требовательно протянула ему узкую ладошку.

Планету за глаза называли Заманухой, и оснований для

этого было более, чем предостаточно.

Во-первых, ожидаемое буйство экзотической флоры и фауны на поверку обернулось скудным сообществом мхов и чахлой, жёсткой, как проволока, травы. Во-вторых, надежды на богатые залежи полезных ископаемых тоже быстро растворились, что твой туман жарким летним утром. Там, где оные залежи были обнаружены, разработка месторождений оказывалась настолько трудо и ресурсозатранной, что становилась просто нерентабельной. Мелкие обширные болота и поросшие той самой травой низины играли на планете, если уместно такое сравнение, роль океана. И над этим океаном чуть южнее экватора торчал аки перст единственный материк, очертаниями напоминающий немного вытянутую Гренландию, только раза в полтора больше.

За неимением более достойного объекта изучения, именно на этот материк и обратили своё пристальное и жадное внимание как учёные, так и разного рода энтузиасты.

А чесать в затылке было от чего. Дело в том, что материк представлял собой одну сплошную гигантскую столовую гору. Складывалось ощущение, что некто очень давно выловил в глубинах космоса огромный булыжник, величиной с приличный астероид, плюхнул его на колышущуюся мшистыми волнами поверхность планеты, а потом одним махом срезал вершину и грубо обтесал по краям.

Однако самое интересное ожидало исследователей внутри материка. Быстро выяснилось, что он буквально исвер-

лен конусообразными шурфами, в основании имевшими от двухсот до четырёхсот метров в диаметре, и постепенно сужающимися к поверхности до двадцати – пятидесяти. Глубина шурфов тоже была разной, но никогда не превышала километра. Одновременно обнаружилась и сложнейшая многоуровневая сеть туннелей и трещин, связывающая конусы в единую систему.

Гипотезы посыпались, как из рога изобилия, быстро расколов учёное и неучёное сообщество на два лагеря – сторонников искусственного и естественного происхождения лабиринта соответственно. Несмотря на прилагаемые усилия, доказательной базы катастрофически не хватало в обоих случаях, и как это обычно бывает с предметом увлекательным, но бесполезным, через какие-нибудь пару-тройку лет ажиотаж вокруг нетипичного материка пошёл на спад, а вскоре и вообще угас.

Тут бы Заманухе и кануть в небытие в каталогах потенциально годных для колонизации, но не слишком перспективных планет. Ан нет. На то она и Замануха.

Некие широко известные в узких кругах адепты альтернативных концепций мироздания захлёб заговорили об удивительном явлении, то ли незамеченном, то ли сознательно скрываемом от общественности. Слухи пустили прочные корни, дали уверенные всходы и спустя время пышно и победоносно заколосились, подпитываемые вечной страстью человечества ко всему загадочному при массирующей под-

держке средств массовой информации, разумеется.

На Замануху хлынул народ. Побывать на планете и посетить Место стало попросту модно. И это при том, что путешествие туда и обратно удовольствием было не из дешёвых. На поднявшейся волне очередного ажиотажа, планета как-то незаметно стала обрастать собственными постоянными поселениями, как грибы после дождя возникавшими на плоских основаниях конусов. То есть внутри материка, там, где света и воздуха было достаточно. Рядом с простенькими на скорую руку собранными домишками, появились такие же простенькие гостиницы для не особо богатых и привередливых туристов. А кое-где даже целые отели, рассчитанные на публику другого класса. Местные же с готовностью брались за небольшую платусопроводить любого желающего к Месту. Налаживались связи, складывалась инфраструктура. Всё шло к тому, что через пару десятилетий, планета превратится в почти полноценную внешнюю колонию.

Соответствующие службы – от карантинных до миграционно-колониальных – поначалу делали страшное лицо и производили на свет божий многочисленные запреты, ограничения и санкции за их нарушение или невыполнение. Но, когда поток туристов превратился в полноводную реку, став существенной статьёй дохода не только для местных проводников, разумно решили, что раз уж запретить не получилось – самое время возглавить. В итоге Замануха получила официальный статус кандидата во внешние колонии с класси-

фикационной категорией «туристический объект», а жители статус колонистов. С чем их незамедлительно и весьма помпезно поздравили и тут же вменили в обязанность предоставлять всю соответствующую документацию и, само собой, платить налоги и другие законные сборы.

Но Замануха не была бы Заманухой, если бы и тут не выкинула очередной фортель. Вдруг обнаружилось, что загадочное Место время от времени перемещается и притом в совершенно хаотичном порядке. Всё чаще и чаще потратившие немалые средства на путешествие к заветной цели туристы возвращались домой с чувством горького разочарования и обманутыми надеждами. Всё меньше становилось спецрейсов на планету, всё малочисленнее её постоянное население. А когда вдобавок ко всему из расщелин и тоннелей полезло нечто хтоническое и агрессивное, бурная и полноводная река жаждущих приобщиться к новому чуду света иссохла до размеров небольшого капризного ручейка.

Иссохла, но не иссякла.

Нога предательски дрогнула и всё же соскользнула с полового, даже на вид ненадёжного выступа. Дмитрий мгновенно покрывшись холодной испариной, успел перехватиться руками за торчащие из стены на уровне глаз камни и замер. Зачем-то посмотрел вниз и наткнулся на испуганный взгляд карабкающегося за ним носильщика-шерпа. Представил, как падает на него, и они втроем – Дмитрий, шерп и рюкзак –

нелепо кувыркаясь, летят на дно расщелины.

«И почему я решил, что он шерп? – несвоевременная мысль осторожно постучалась в черепную коробку. – Вроде, и не похож вовсе. Или похож?»

– Ты мне так и не ответил, дядя Дима.

Осторожно, стараясь не нарушить шаткого равновесия, Дмитрий поднял голову. Яса сидела на таком же точно выступе метрах в трёх выше и не только не собиралась падать, но ещё и ногами болтала. А ещё она лыбилась. Не улыбалась, а именно лыбилась, наблюдая за тем, как мужчины изо всех сил стараются удержаться на наклонной плоскости. Дмитрий мысленно чертыхнулся, в сотый раз пожалев, что так легкомысленно отнёсся к сборам, совершенно не подумав про альпинистское снаряжение.

И когда это они перешли на *ты*? Наверное, после того случая.

На них напали только однажды. На самом деле нападением это назвать сложно, но то, что там произошло во многом изменило отношение Дмитрия и к его положению, и в особенности к Ясе.

Это случилось примерно через час после того, как они вошли в первый тоннель. Тот был достаточно широким, света и воздуха хватало, чтобы не задохнуться и не включать фонари. Но идти Дмитрию всё равно было тяжело. Вездесущий мох, покрывавший стены, пол и потолок тоннеля, люминесцировал жёлтым с оранжевым отливом. Под ногами

омерзительно хлюпало, а лёгкие уже начинали подавать мозгу недвусмысленные сигналы, что-де атмосфера здесь хоть и не ядовитая, но и далеко не лечебная. Яса шла первой, легко перепрыгивая через небольшие, натёкшие сто стен и потолка лужицы, и без умолку болтала.

За прошедший час, сам того не желая, Дмитрий успел узнать и про потерянную в соседнем тоннеле серёжку (между прочим, золотую!), и про лопоухого щенка, которого Яса с таким трудом выменяла в порту, а он вырос, убежал, и паучий червь его слопал (тут Дмитрий серьёзно напрягся), и про отца, и про обоих братьев. Про то, что генератор у них давно сломался, а нового на планете днём с огнём не сыщешь. Про жадных и трусливых туристов, которых её брат сопровождал месяц назад (на этом месте Яса замедлила шаг, обернулась и бросила на Дмитрия многозначительный взгляд), и про...

Замыкающий их небольшой отряд носильщик ойкнул. Негромко, но как-то нехорошо. Не ойкают так люди, просто оступившись или попав ногой в лужу. Дмитрий обернулся чисто рефлекторно, ещё не ожидая ничего плохого, и явственно почувствовал, как шевелятся волосы на голове.

Шерп стоял на коленях, прикрыв свою голову руками, а над ним, восседая на рюкзаке, мглилось множеством тонких, безостановочно шевелящихся, сплетающихся и расплетающихся щупалец нечто мерцающее.

Не зная, что предпринять, Дмитрий глянул на Ясу.

Девочка спокойно стояла и смотрела на склонившегося шерпа, и на её лице даже в полумраке тоннеля отчётливо читалась злорадная ухмылка.

– Яса...

Лицо тут же приняло сосредоточенное выражение. В два прыжка девочка преодолела расстояние, отделявшее её от Дмитрия, одним неуловимым движением сорвала с пояса джинсов притороченные узорные рукоятки, в миг вытянувшиеся в плети, и коротко всплеснула руками. Плети послушными дрессированными змеями с шипением сомкнулись на мерцающей мгле и отпрянули назад. Над рюкзаком чавкнуло, брызнуло во все стороны. Мерцание погасло, а в воздухе появился горьковатый привкус.

– Не бойся, дядя Дима, – спокойно сказала Яса, возвращая рукоятки на место, – это кучелапка. Она не опасная. Даже съедобная.

Дмитрий насухо сглотнул. Подходящих слов не находилось.

– Да не бойся, говорю, – улыбнулась девочка, – сказала, доведу до места, значит, доведу. Ты же генератор мамке оставил. Так что всё по-честному.

– Ты мне так не ответил, дядя Дима.

– Ты о чём, – с натугой выдавил из себя Дмитрий, карабкающийся сейчас вверх, проверяя и перепроверя надёжность выступов и выемок.

– Ну как же? – девочка даже ножками перестала болтать. – Я тебя спросила, зачем тебе Место? А ты мне не ответил.

– Надо.

Дмитрий подтянулся, и наконец-то, с облегчением отдуваясь, уместил сидалище на очередной выступ раза в два шире того, на котором беззаботно, будто пичужка на жёрдочке, сидела Яса.

Девочка похлопала белёсыми ресницами, дёрнула плечиком.

– Ну, не знаю, – сказала она чуть погодя, – ладно бы Место силу давало, или жизнь вечную...

Она покусала ноготь на левой руке, осмотрела его и добавила:

– Или богатство, например.

– Счастья всем даром, – не удержался Дмитрий.

Яса перестала терзать ногти, задумалась. Потом решительно покачала головой.

– Нет, ерунда это. Так не бывает. Какое же это счастье, когда оно у всех?

Дмитрий с интересом глянул на девочку. Вот оно, значит, как.

– Я и говорю, – продолжала Яса, – так хотя бы смысл есть. А тут... – она приосанилась, приняла несколько напыщенный вид и проговорила, как прочитала, явно кому-то подражая. – Место покажет каждому то, что он ищет!

И хихикнула.

– Ты сама там бывала? – спросил Дмитрий.

Девчушка одарила его снисходительным взглядом.

– Конечно. Много раз. Только мне не надо к Месту ходить, чтобы знать, чего я ищу. Я и так это знаю.

– И чего же ты ищешь? – не удержался Дмитрий.

Яса ответила не сразу. Развернулась к нему всем телом, чудом не соскользнув. Взглянула прямо в глаза.

– А ты?

Кряхтя и заметно пованивая, к ним подтягивался шерп.

А спустя три часа, два отдающих запахом гнили тоннеля и четыре не слишком сложных и продолжительных подъёма они попали в засаду.

Это была развилка. Обычная, одноуровневая, чуть шире лестничной клетки в доме Дмитрия. За плечами у них остался уже десяток таких. И ничего. Дмитрий и сейчас ничего не слышал и уж тем более не предчувствовал. Только привычно плетущийся за ними шерп вдруг остановился, сбросил рюкзак и сипло и часто задышал, пятясь обратно в тоннель, из которого они минуту назад вышли. Лицо при этом у него сделалось серое, а глаза дикими и огромными.

– Что это с ним? – забеспокоился Дмитрий. – Устал, что ли? Или сердце прихватило? Очень на сердечный приступ похоже. Эй, послушай, у тебя болит вот здесь, за гру...

Узкая холодная ладошка зажала ему рот. Яса стояла перед ним – собранная, сразу повзрослевшая, и говорила глазами.

Дмитрий сразу понял, послушно кивнул, медленно, стараясь не делать резких движений, опустился на землю и пополз к валявшемуся в двух шагах пыльному рюкзаку. За грудиной невыносимо защемило, как будто сердечный приступ был у него.

Яса осталась стоять, где была. Маленькая, хрупкая. Сжатая, как взведённая пружина. Уже прижавшись спиной к внутренней стенке тоннеля и стараясь полностью уместиться за рюкзаком, Дмитрий успел увидеть, как из рукояток медленно выползают, извиваясь словно живые, плети. Ластятся расщеплёнными концами к ногам хозяйки, хищно выгибаются в сторону ближайшего тоннеля.

А вот как и когда всё началось, Дмитрий увидеть не успел.

Яса начала раскачиваться из стороны в сторону, делая плавные движения одними кистями и постепенно наращивая амплитуду и скорость. И повинувшись хозяйке, плети тоже пришли в движение, сначала просто взмывая и опадая, а затем превратившись в неразличимые глазом два бешено вращающихся круга по обе стороны от девочки, пока не слились в подобие полупрозрачного кокона, полностью окутав Ясу, оберегая и защищая её.

Из тоннелей, очень напоминавших сейчас Дмитрию жерла огромных пушек, посыпались люди. В основном мужчины, грязные, оборванные, молчаливые. Не давая себе времени на раздумья, подпираемые идущими сзади, они прыгали на девочку, нелепо раскинув руки, натыкались на смертоносный

барьер и отлетали, как от стильного пинка – кто с рассучённым надвое лицом, кто с брызнувшей красным располосованной грудью, кто с распоротым до вываливающихся внутренностей животом. Ни криков, ни воплей, ни стонов. Только похожий на завывание ветра пересвист плетей, щелчки и звуки падающих тел.

– Всё, – сказала Яса, тяжело дыша, – устала. Пошли ручеёк искать.

Она была насквозь мокрая, лицо осунулось, чёлка прилипла ко лбу, даже вечно бодрый вихор обессилено поник.

– Блин, футболку испортила. Хорошая была футболка.

Если бы в этот момент Дмитрия спросили – а не стыдно ли ему, здоровому мужику, прятаться при первых признаках опасности за спину девочки-подростка, в половину меньше его и годящейся ему во внучки, он бы просто расхохотался в лицо спрашивающего.

А потом они отыскивали робкий ручеёк, и Яса, предварительно заставив мужчин отвернуться, долго отмывалась, смешно фыркая и повизгивая от ледяной воды. Футболку пришлось всё-таки выбросить. Предложенную взамен Дмитрием, Яса раскритиковала в пух и прах, но великодушно приняла, завязав узлом на талии, и в целом обновкой осталась довольна.

– Где ты научилась так обращаться с плетями? – задал Дмитрий мучивший его вопрос, когда они двинулись дальше. Путь теперь лежал по довольно широкому и проходимо-

му дну расщелины, плавно забирая вверх и влево.

Яса невинно похлопала ресничками.

– Маленьким девочкам настоящее оружие не полагается, – отыграла она, премило улыбаясь, – разве не знал? А плети... А чем ещё заниматься в свободное время в нашей-то глуши? Да и генератор у нас сломался, я же говорила. Опять же братья...

– Подожди, Яса, – Дмитрий остановился, взял девочку за локоть, повернул лицом к себе. – Ты же их убила. Понимаешь, убила! А потом умываться пошла, как ни в чём не бывало...

– Отпусти, – Яса вырвала руку, нахмурилась, – больно же.

Дмитрий разжал пальцы

– Ну, убила, – заговорила девочка спокойнее, – так они и не люди уже. Я бы не убила, они бы нас убили. Вас. Тебя, то есть.

Теперь они шли рядом, благо дорога позволяла.

– Не люди? – переспросил Дмитрий, стараясь уложить в голове всё происходящее. – Как это, не люди? Я же видел.

– Видел да не видел, что с того? – беззаботно ответила Яса. – Я не знаю точно. Там зараза какая-то, или эти, как их, испарения. В общем, мозги они потеряли.

– Разум?

– Во, точно! – обрадовалась девочка найденному слову. – Разум и потеряли. А ещё говорят, будто в них вселился кто-то.

– Кто вселился? – Дмитрий даже остановился от неожиданности.

Яса сделала страшное лицо, выпучила глаза и жутким шёпотом произнесла:

– Ду-хи!

– Да ну тебя, – отмахнулся Дмитрий, глядя на залиvisto хохочущую девчушку и сам поневоле начиная улыбаться.

– Всё. Здесь заночуем. Давай, дядя Дима, раскладывайся. Надеюсь, еда у тебя есть? Я ужас, какая голодная.

Стоянку они обустроили на дне очередного шурфа. Каменная, почти идеально круглая площадка, обрамлённая сходящимися на высоте метров ста гладкими стенами с зияющими неприглядной тьмой пастями тоннелей.

Дмитрий забрал у шерпа рюкзак, поколдовал немного с пультом, и рюкзак с тихим шелестом прямо на глазах изумлённой Ясы стал превращаться в небольшой уютный домик с крышей, верандой и даже навесом. Внутри вспыхнул свет, сформировались предметы мебели – четыре кровати, четыре стула, два стола. В заключение преобразования по углам крыши включилось внешнее освещение, сразу сделав окружающий монотонный в сгущающихся сумерках мир уютнее.

– Обалдеть! – восторженно выдохнула девочка. – А зайти можно?

Дмитрий сделал рукой широкий приглашающий жест. Яса взвизгнула и пулей влетела внутрь.

Шерп в дом не пошёл. Промычал что-то неразборчивое в

ответ на приглашение Дмитрия и устроился на веранде, расстелив вместо кровати свой замызганный полухалат-полутулуп. Дмитрий пожал плечами и пошёл готовить ужин.

Собственно ничего готовить и не требовалась. Под восхищённое треньканье Ясы он расстелили на столе скатерть, пробежался пальцами по панели управления и стал с удовольствием наблюдать за девочкой. А девочка чуть не захлебнулась от переполнявших её чувств, когда скатерть, немного пожужжав, подмигнула индикаторами готовности и сразу в нескольких местах начала вспучиваться, выдавливая из себя подобия накрытых термоплёнкой тарелок, чашек, ложек, вилок и ещё чего-то. Дмитрий и не помнил, чего именно.

– Снимай плёнку и ешь, – подсказал он Ясе. – Не обожгись только. Горячо.

– Что, вот так вот прямо можно есть? – не поверила Яса. – Точно-точно?

– Вот так вот прямо и можно, – подтвердил Дмитрий, улыбаясь. – У нас всё по-честному.

Шерпу он вынес пару тарелок, но тот, снова что-то промычав на своём наречии, от еды отказался, дав понять жёсткими, что устал и будет спать.

– Ты где его подобрал? – в лоб спросила Яса, кивнув в сторону выхода, когда Дмитрий вернулся к столу.

Она с видимым удовольствием дошлычкала через трубочку яблочный сок из высокого стакана и сейчас примерялась к тарелке с пирожными.

– В порту, – ответил Дмитрий. – Сразу, как прилетел. Я как раз прикидывал, что с рюкзаком делать. Тут он и подошёл. Договорились как-то. Он, похоже, немой. Я цену назвал, он кивнул. Вот и всё. А что? Я неправильно поступил? Может, у вас это не приветствуется?

Яса не ответила, продолжая за обе щеки уплетать сладости.

– Да нет, – дожевав, махнула она свободной рукой, – просто там всякие типы околачиваются. Бывали случаи.

– Но он же, вроде, мирный, – неуверенно заметил Дмитрий.

– Вроде, мирный, – то ли согласилась, то ли удивилась девочка.

– А скажи, Яса, – спросил Дмитрий чуть погодя, – сколько осталось жителей в вашем посёлке?

Девочка выудила из недр скатерти зубочистку, повертела её и так и сяк, поковыряла в зубах.

– Не знаю, – ответила бесцветным голосом, – не считала. Да и всё равно мне.

– Но как же? – искренне удивился Дмитрий. Потом решил сменить тактику. – А братья твои где? А отец? Ты вообще в курсе, что за последние два года количество поселенцев на планете сократилось в десять раз?

– Нет. А должна? Ты же видел, я говорила. Некоторые в тоннелях слишком много времени проводили. Вот головой и попортились.

Дмитрий задумался.

– Действительно, – согласился он, но тут же встрепенулся, что-то вспомнив. – Я не о том. По статистике, я узнавал, за последние два года планету покинули несколько сот человек, и что самое поразительное...

– Дядя Дима, – протянула Яса, глядя на него осоловевшими глазами, – я так устала. Я спать хочу. Можно мне поспать?

Мысленно матеря себя последними словами – мало того, что за девчонку прячешься, так ещё и отдыха её не даёшь, изверг – Дмитрий отвёл уже всю ключующую носом Ясу в одну из трёх отгороженных друг от друга комнат и уложил на кровать. Яса ткнулась в подушку и мгновенно засопела.

Дмитрий постоял немного, прислушиваясь к дыханию девочки. Потом вышел на веранду, убедился, что шерп спит или делает вид, что спит. Пожевал ус, решил, что хуже лучше не будет, на цыпочках вернулся в комнату, осторожно, чтобы не потревожить, укрыл девочку пледом и улёгся тут же. На пол. Так, на всякий случай.

Сон ему всё-таки приснился. Тяжёлый, удушающий, тревожный.

В этом сне, прямо как наяву, что-то бессвязно бормоча и капая слюной в комнату вползал шерп, хватал спящую, такую беззащитную Ясу и уволакивал её в непроглядную воющую бездну тоннелей. А он, Дмитрий, лежал парализованный, не в силах даже пошевелиться, и слушал, как удаляются

крики девочки, зовущей его на помощь: «Дядя Дима... дядя Дима!»

– Дядя Дима, да просыпайся же ты!

Яса изо всех сил трясла его за плечо. Дмитрий открыл глаза, увидел прямо перед собой белое, встревоженное лицо девочки. Шарахнулся от стоящего рядом шерпа. Сон таял, явь возвращалась. Но вряд ли она была лучше сна.

– Что? Что случилось? – спросил он сиплым голосом.

– Дурочка я дурочка, – причитала Яса совсем по-бабьи. – Забыла, напрочь забыла. Гон у них, понимаешь, дядя Дима, гон раньше времени начался.

– У кого? – ещё не придя в себя полностью, переспросил Дмитрий.

Яса прекратила метаться, всплеснула руками:

– Ясно у кого! У паучьих червей!

– Какой гон? – задал Дмитрий совсем уж глупый вопрос. Девочка с досады даже ногой топнула.

– Какой-какой! Такой! Объяснить тебе? Не покраснееешь?

Только сейчас Дмитрий осознал, что в ушах шумит не от внезапного пробуждения, а совсем по другой причине. Он выскочил на веранду, прислушался.

Всё вокруг вибрировало низким гулом на пределе инфразвука. Вибрировало и шелестело.

Яса пулей вылетела из дома, на ходу бросив:

– Уходим. Быстро! Там у дальнего тоннеля расщелина есть. Я вчера ещё заметила. Она узкая, пересидим.

– А палатка как же? – хватаясь за обрывки рационального, крикнул ей в вдогонку Дмитрий.

Дико вращая глазами на чумазом лице, мимо пронёсся шерп.

– А, хрен с ней, – махнул рукой Дмитрий и рванул за остальными, что было мочи.

Они не добежали. Чуть-чуть не добежали.

Из того самого отверстия, под которым находилась спасительная расщелина, сначала высунулось нечто белёсое и тупорылое, шевелящееся множеством чёрных ворсинок, а потом с чавканьем ухнуло прямо перед бегущими людьми, отрезав путь к укрытию.

– Назад! – заорала Яса, ловко, почти на месте разворачиваясь.

У Дмитрия немилосердно стучало в висках, сердце пробивало грудную клетку, а в глазах жизнерадостно запрыгали радужные пятна.

Второй червь рухнул точнёхонько на дом-палатку, разорвав её в клочья. А потом они посыпались отовсюду.

Яса схватила полуживого Дмитрия за руку, притянула к себе, сказала свистящим шёпотом:

– Всё. Стоим. Не двигаемся.

Сил у Дмитрия хватило только на то, чтобы согласно кивнуть. Скажи ему сейчас девочка бежать дальше, он бы, наверное, и сам отказался.

– А почему они пауцьи?

– Паутиной плюются, – пояснила Яса, вертя головой во все стороны. – Липкой и прочной. Свяжут и жрут потом. У них пасть под брюхом. Про щенка рассказывала. Забыл?

Они стояли, прижавшись спинами друг к другу, а из жерл тоннелей всё вываливались и вываливались черви.

Теперь Дмитрию представилась возможность рассмотреть местных хтонических чудовищ во всех деталях и подробностях. И от этих подробностей у него подкашивались ноги, и к горлу подступал нехороший ком.

Больше всего они напоминали сардельки. Этакие белёсы, лоснящиеся сардельки метра два в обхвате и раза в три больше в длину. Чёрные, как нарочно по контрасту, ворсинки оказались на поверку никакими не ворсинками, в представленных в великом множестве многосустачатыми, похожими на паучьи лапами, сейчас на каменной поверхности издававшими нескончаемый, режущий слух скрип и скрежет. Время от времени какой-либо червь вдруг вставал на дыбы и со всей дури обрушивался на соседа. Завязывалась непродолжительная схватка, в ходе которой чудища или сплетались в жуткий узел, или расползались в разные стороны в поисках новых жертв.

– Спариваются! – догадался Дмитрий, – Они спариваются. Яса демонстративно закатила глаза, но промолчала.

А Дмитрий вдруг ожил. Пришло, наконец, разумное объяснение происходящего, и даже сил, казалось, прибавилось.

– Это же хорошо, – быстро зашептал он, – это нам на руку.

Им сейчас не до нас. Да им вообще сейчас ни до чего! Надо просто тихонько пробраться мимо...

– Не выйдет, – осадила его Яса, не переставая пристально следить за творящейся вокруг оргией, – они во время гона жуть, какие голодные. Жрут всё подряд. Даже своих. А ещё у них нюх. Это пока они нас не учуяли. А вот когда учуют...

Будто этих её слов и дожидался, самый близкий к ним со стороны шерпа червь замер, сделал стойку и быстро-быстро начал раздуваться, делаясь похожим на кривой аляповатый дирижабль.

– В сторону, – уже не таясь, скомандовала Яса, выпуская на волю плети, – пригнитесь. Оба! Быстро!

Червь с хлопком сжался до прежних размеров, а в сторону троицы метнулась большая, с человеческую голову, сопля, на лету разворачиваясь в широкую вращающуюся сеть.

– Пригнитесь!

Сеть просвистела мимо, вырвав у нерасторопного Дмитрия клочок волос с макушки, и со шлепком впечаталась в бок соседней твари. Тот дёрнулся, вытянулся и тоже принялся пухнуть.

– Всё, – сказала Яса, – поздно.

Развернулась к Дмитрию и чётко произнесла:

– Двигайтесь к расщелине. Старайтесь держаться в центре круга. Понятно?

– Нет, – честно ответил Дмитрий. Его трясло. – Какого круга?

Яса не стала повторять, но неожиданно задорно подмигнула мужчине.

– Ничего, дядя Дима. Прорвёмся. У нас же всё по-честному.

И прыгнула к ближайшей колыхающейся белёсой туше, на лету разворачиваясь и очерчивая вокруг себя взвившимися плетьюми два мерцающих колеса.

Человек, лишённый воображения, наверняка назвал бы это дьявольским боевым танцем. Да, именно так и сказал бы человек, лишённый воображения. Потому что на танец это не походило совершенно. Раз за разом по дуге огибала Яса оставшихся в центре безумной вакханалии мужчин, увеличивая радиус и медленно, но неуклонно продвигаясь в сторону расщелины. Она прыгала, кувыркалась, умудрялась делать сальто, каталась по земле, просто перебегала с места на место и даже замирала, если того требовала неподвластная наблюдателям логика боя. И все эти кульбиты сопровождались безостановочным кружением плетей, мгновенно отзывавшихся на любой, даже мысленный приказ хозяйки, упивавшихся свободой, тонкой гранью отделяющей жизнь от смерти. Плевки паутины, нацеленные то на девочку, то на Дмитрия с шерпом, а то и на всех одновременно, всякий раз взрывались в воздухе и опадали мокрой грязной ватой.

Несколько раз, не успевая или наоборот играя на опережение, Яса хлестала по колышущимся телам, из которых тут же начинало сочиться белое с красными прожилками, похо-

жее на гной с кровью.

До расщелины оставались считанные шаги, и Дмитрий уже готовился рвануться вперёд, подхватить девчонку и забиться в недоступное для гадов узкое пространство в скале, когда одна червячья сопля достигла цели, вцепилась мёртвой хваткой в лодыжку Ясы и сбросила её на землю.

Девочка упала, словно брошенная обиженным ребёнком кукла, и замерла.

Сам себя не помня от ужаса, жалости, гнева и страха, Дмитрий оттолкнул жавшегося к нему шерпа, подбежал к Ясе, обмякшей и бездыханной. Упал на колени. Потом зарычал, обречённо, утробно. Осмотрелся, схватил валяющуюся рядом безжизненной ленточкой ясину плеть и принялся орать, с бешеной силой раскручивая её над головой. Орать истошно, отчаянно, как в первый миг рождения. Как в последний миг боя.

Может быть, помогло это, а может, просто ошарашенные нетипичным поведением жертвы, черви переключились на более безопасную добычу, но девочку Дмитрий до расщелины донёс, стараясь не оглядываться, чтобы не видеть, как под горами грузных тел исчезает спелёнутый с ног до головы агонизирующий шерп.

Они просидели в укрытии почти до сумерек и решились выбраться только тогда, когда последние черви, дожевав менее удачливых собратьев, удовлетворённо хлюпая телесами, расползлись, по тоннелям.

Ясу ещё пошатывало от усталости и удара, но она вытребовала себе минуту и скрылась в ближайшем жерле. Адреналин, полдня державший Дмитрия на пределе возможностей, отпустил, и он почувствовал, что ему тоже не мешает уединиться.

– Откуда они взялись? – спросил Дмитрий девочку, когда она вернулась, с сожалением рассматривая раздавленную рукоять плети.

Он сидел на каменном полу пещеры, прислонившись спиной к холодной влажной стене и думая, что не сможет больше никуда идти. Девочка села рядом, ещё раз взглянула на растерзанную плеть и отбросила её.

– Черви? Похоже, всегда тут жили, – сказала она слабым голосом. – Глубоко жили. Очень глубоко. Может, спали. А потом пришли люди. Много шума, много пищи. Вот и выползли. И никаких загадок. Кто-то головой попортился, кого-то черви сожрали. Ты, – она подняла на него взгляд, – ты это хотел узнать? Это искал?

Дмитрий смутился.

– И да, и нет, – проговорил он, наконец. – Не складывается здесь что-то. Видишь ли, Яса, люди, поселенцы, не пропадали бесследно.

Девочка насмешливо подняла брови.

– То есть, некоторые, конечно, пропадали, – поспешил исправиться Дмитрий. – Но большая часть вернулась на Землю и в колонии.

– И?

– Странность в том, что никто из поселенцев, покинувших планету, как бы это сказать, – Дмитрий пощёлкал пальцами, подыскивая понятное объяснение, – никто не вернулся к своей прежней жизни. Понимаешь? К семье, к друзьям. Даже в родные места ни один не заехал. Ни на день, ни проездом.

– А тебе-то что стого, дядя Дима?

Дмитрий помолчал, потёр руками глаза, и без того красные и воспалённые.

– У меня брат был здесь год назад, – сказал он, наконец. – Он покинул планету. Я знаю, я проверял. Но вот к нам так и не вернулся. Даже сообщение не отправил. Вообще ничего, понимаешь? Просто пропал. Мне кажется, здесь что-то происходит с людьми. Что-то необратимое, не дающее им остаться собой, – он сбился, улыбнулся чуть виновато, спросил. – Я, наверное, путано объясняю, да?

Яса шмыгнула носом, поднялась.

– Пошли, дядя Дима, – сказала она, протягивая ему руку, – тут рядом совсем короткий путь есть. Раньше я бы по нему не повела, но сейчас, после гона... Пошли.

После суток блуждания по затхлым тоннелям воздух на вершине материка казался сладким на вкус. Дмитрий остановился, с наслаждением вдохнул полной грудью и... закашлялся.

– Здесь всегда туман? – спросил он девочку.

– Это не туман, – ответила она, – это облака.

– Я на вершине мира! – сказал Дмитрий. – Нет, лучше так: я в облаках!

Голос, как и любые звуки, вяз в молочно-белой, играющей светотенью взвеси. Получилось глухо и не смешно.

– Вот мы и на месте, – произнесла Яса, останавливаясь и пропуская мужчину вперёд.

– В каком смысле? – не понял тот. Глупая улыбка никак не хотела исчезать. Взгляни на них сейчас кто-нибудь со стороны, без сомнения подтвердил бы, что Дмитрий в этот момент гораздо больше походил на подростка, чем стоящая рядом девочка.

– Это и есть Место, – пояснила Яса. – Вот, смотри.

Дмитрий посмотрел.

Лёгкое дыхание слабого ветерка смахнуло прямо перед ним мутную пелену, и мужчина увидел висящий в воздухе на уровне его головы шар. Зеркальный.

И Дмитрий поверил. Сразу и безоговорочно. Потому что в это невозможно было не поверить. Немыслимо. Недопустимо. Преступно не поверить.

Он подошёл к шару, приблизил лицо к поверхности, увидел своё отражение.

– Вообще-то, мы не разговариваем с формами, – сказала Яса каким-то чужим, незнакомым голосом.

Она стояла на прежнем месте и смотрела на Дмитрия.

С отражением происходило что-то неправильное. Оно бы-

ло похоже и не похоже одновременно.

– Но ты меня спас, – продолжала девочка. – Я это ценю. У нас принято ценить такие вещи.

Дмитрий покрутил головой и к ужасу своему понял, что отражение не повторило его жеста.

– Мы тоже спали, – говорила Яса. – Долго. Так долго, что, возможно, и не проснулись бы уже никогда. Так что в некотором роде мы должны быть вам благодарны.

Черты лица в отражении исказила судорога, и Дмитрий закричал. То есть он думал, что кричит.

– Здесь очень-очень скучно, – говорила Яса. – Ты не представляешь, как. А мы не любим скуки. Мы любопытны. Жизнелюбивы и любопытны. Одна беда – не можем перемещаться самостоятельно. У нас, чтобы тебе было понятно, нет своей формы. Ну, не появилась она в процессе эволюции, что поделаешь? Поэтому нам нужна форма. И ваша вполне подходит. Не всем, правда. Те, напавшие на нас на развилке, как бы это сказать... Не нашли общего языка.

Дмитрий, наконец, узнал лицо в отражении. Узнал и похолодел.

Лицо в отражении тоже узнало его, и в следующий миг рядом с ним стали проявляться один за другим десятки, сотни, тысячи искажённых судорогами лиц.

– Вы с братом близнецы были? – полуутвердительно спросила Яса. – А я его помню. Это мой брат его сюда привёл. Вот ведь ирония, да?

Дмитрий уже понял, что пропал. Шар втягивал его в себя, обволакивал, лишал силы воли.

– А знаешь, ты мне очень подошёл, дядя Дима, – сказала Яса. – Нет, девочка тоже очень неплохой вариант. Я с этой формой практически сроднилась. Но ждать, пока она вырастет... Другое дело – ты. Я это сразу поняла. Поэтому и договор наш соблюдала. Привела тебя к Месту. А Место показало тебе то, что искал. Так что всё по-честному, дядя Дима. Всё по-честному.

Мужчина, твёрдой походкой прошедший сейчас мимо окраинного дома, был высок и осанист. Он производил впечатление человека, точно знающего свою цель. Густые седые волосы, аккуратно зачесанные назад, твёрдый взгляд, широкий шаг, чёткость в каждом движении и жесте. На вид ему можно было дать лет шестьдесят, однако годы, и это бросалось в глаза, в непродолжительной пока битве с недюжинным здоровьем и волей потерпели сокрушительное поражение и временно отступили, оставив лишь внешние следы своего присутствия в виде седины и аккуратных симметричных морщин, что только придавало лицу этого человека ещё большую уверенность.

Мужчина шёл в сторону космопорта.

В оформлении обложки использован авторский коллаж (Коньшев А.П.) на основе изображений, взятых на ресурсах:

<https://pixabay.com/ru/illustrations/%D0%BF>

[%D0%B5%D0%B9%D0%B7%D0%B0%D0%B6-%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%86%D0%B5-%D1%80%D0%BE%D0%BA-%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B0-1112911/](https://pixabay.com/ru/illustrations/%D0%B5%D0%B9%D0%B7%D0%B0%D0%B6-%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D1%81%D0%BE%D0%BB%D0%BD%D1%86%D0%B5-%D1%80%D0%BE%D0%BA-%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%B0-1112911/)

<https://pixabay.com/ru/photos/>

[%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%8F-%D0%B1%D0%BE%D0%B3-%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0-571715/](https://pixabay.com/ru/photos/%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D1%89%D0%B8%D0%BD%D0%B0-%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%82%D1%8C%D1%81%D1%8F-%D0%BF%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D1%8F-%D0%B1%D0%BE%D0%B3-%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0-571715/)